

Лея Вестова

Измена

пепел прошлого

Лея Вестова

Измена. Пепел прошлого

«Автор»

2025

Вестова Л.

Измена. Пепел прошлого / Л. Вестова — «Автор», 2025

— Я видела. Я была там. Я видела вас вместе... — Ты не понимаешь, — заговорил муж, делая шаг ко мне. — Не подходи, — мой голос звучал спокойно, но в нём была сталь. — Не смей говорить, что я не понимаю. Я всё прекрасно понимаю. Ты спишь с ней. Ты встречаешься с ней. Ты лгал мне прямо в лицо, когда я спрашивала тебя об этом. — Да, — сказал муж после долгой паузы. И в этом коротком слове было больше правды, чем во всём, что он говорил мне за последние дни. — Да, я встречаюсь с ней. И да, я лгал тебе. Но это не то, что ты думаешь...

© Вестова Л., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Аннотация	5
Глава 1+	6
Глава 2+	9
Глава 3+	11
Глава 4+	15
Глава 5+	19
Глава 6+	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Лея Вестова

Измена. Пепел прошлого

Аннотация

– Я видела. Я была там. Я видела вас вместе...

– Ты не понимаешь, – заговорил муж, делая шаг ко мне.

– Не подходи, – мой голос звучал спокойно, но в нём была сталь. – Не смей говорить, что я не понимаю. Я всё прекрасно понимаю. Ты спишь с ней. Ты встречаешься с ней. Ты лгал мне прямо в лицо, когда я спрашивала тебя об этом.

– Да, – сказал муж после долгой паузы. И в этом коротком слове было больше правды, чем во всём, что он говорил мне за последние дни. – Да, я встречаюсь с ней. И да, я лгал тебе. Но это не то, что ты думаешь...

Глава 1+

– Ммм... идеальные, как всегда, – прожевав, сказал муж, снова макнув свернутый блин в малиновое варенье.

Я улыбнулась. Эти слова он повторял столько лет, что они превратились в своеобразное заклинание. «Блины идеальные». Почти как признание в любви, нашей личный код. Когда-то я готовила их, чтобы впечатлить его на первом свидании у меня дома. С тех пор блины стали нашей историей.

Пока Пётр завтракал, а Лера с шумом и возгласами рылась в шкафу в поисках «не тех джинсов, что вчера, а тех, которые с потергостями», я взяла свой телефон и включила экран. Это был мой маленький утренний ритуал – пять – десять минут на просмотр свежих фото друзей, кулинарных видео, мемов про усталость и смешных видео с кошками. Мой маленький эскапизм перед днем, наполненным делами и обязанностями.

Рядом на столе остывал кофе в моей любимой кружке – с надписью «Лучшее ещё впереди», подарок от сестры на тридцатилетие. Теперь в тридцать семь, эта фраза казалась мне немного ироничной, словно обещание, срок которого давно истек.

Я лениво листала ленту соцсетей, останавливаясь только на особо ярких снимках: вот Марина с новым маникюром и подписью «Наконец-то время для себя»; вот сын подруги Кати с зубастой улыбкой, которой не хватает двух передних зубов; вот рекламный пост с пледом и свечами, обещающий уют в любую погоду. Обычные, ежедневные картинки, которые создавали иллюзию присутствия в жизни других людей.

И вдруг среди этой обыденности я увидела знакомое лицо.

Пётр.

На фотографии, выложенной Кристиной, одной из сотрудниц их компании, Пётр стоял в холле какой-то гостиницы. Я узнала интерьер – это был тот самый отель, где проходила конференция, на которую он ездил две недели назад. Группа коллег – трое мужчин, две женщины – с бокалами в руках и улыбками на лицах. Пётр тоже улыбался, держал в руке бокал с чем-то янтарным – виски, его любимый? – а свободной рукой приобнимал кого-то за плечи. Вроде бы всё невинно, обычная корпоративная фотография.

Но мой взгляд зацепился за руку девушки слева от него. Белую, ухоженную, с алым лаком. И за браслет.

Браслет был знакомым. Дорогой, Tiffany, с жемчужной подвеской. Моё сердце пропустило удар. Такой же я видела у него в сумке, когда он искал ключи от машины. Он объяснил тогда, что это подарок от заказчиков – какой-то сувенир, «разыгрывали между сотрудниками, мне не пригодится». И я, хоть и удивлённая таким странным «сувениром», приняла объяснение. Браслет исчез на следующий день. Я не думала о нём с тех пор. До этого момента...

Я почувствовала, как пальцы внезапно онемели, а во рту пересохло. Увеличила фото. Девушка рядом с Петром – молодая, лет двадцать семь, с гладкими светлыми волосами и пухлыми губами – смотрела на него, не в камеру. Её взгляд не был деловым или случайным. Он был... почти интимным. А её тело чуть наклонено в его сторону, как будто само тянется к нему магнитом. Это движение было неувловимым для стороннего наблюдателя, но не для жены. Слишком близко. Слишком уверенно. Слишком... знакомо.

Под фото красовались десятки лайков, в том числе от общих знакомых. Ни одного намёка в подписи: «Удачный уик-энд. Работаем и отдыхаем!» Но я больше не видела текста. Мои пальцы подрагивали, а сердце, казалось, пыталось выскочить из груди. Я смотрела на мужа и эту девушку – и видела не случайную фотографию, а кадр из чужого фильма, в котором случайно узнала главного героя.

«Твоя рука не лежит на чужом плече так, если ты просто коллега», – пронеслось в моей голове. «И твои глаза не смотрят на коллегу с таким выражением. И браслет... этот чертов браслет».

Я почувствовала, как краска отливает от моего лица, а комната начинает слегка кружиться. И в этот момент я услышала голос Петра из прихожей:

– Лера, я выезжаю через две минуты! – крикнул он, а потом обратился ко мне: – Нина, поцелуешь меня на прощание, или я как чужой?

Я быстро заблокировала экран. Поднялась. В груди что-то сжалось, но я заставила себя улыбнуться.

– Конечно, – ответила, пытаюсь контролировать голос. – Прямо как в кино.

Он подошёл, быстро чмокнул меня в щёку, на ходу доставая ключи от машины из кармана брюк. Выглядел, как всегда: уверенно, спокойно, надёжно. Мой муж, мой Пётр, человек, с которым я прожила пятнадцать лет.

А у меня в голове вдруг всё разложилось иначе. Как пазл, детали которого я не замечала раньше.

Браслет. Рука. Взгляд. Ложь.

И ещё – его внезапные деловые ужины. Командировки, которые стали чаще. Ночные сообщения, на которые он отвечал, отворачивая экран. Новый парфюм. Рубашки, которые я не покупала...

– Ужинать будешь дома? – спросила я, натягивая улыбку и чувствуя, как она трескается по краям.

– Вряд ли, – он застегнул пиджак одним движением. – У нас встреча с новыми инвесторами. Если задержусь – не жди, ладно?

Конечно. Не ждать. Я учусь, думала я. Учусь не ждать. Учусь не верить. Учусь видеть.

– Хорошо, – только и смогла выдать я, ощущая, как к горлу подкатывает комок.

Когда хлопнула входная дверь, я несколько секунд стояла не двигаясь. Затем медленно опустилась на стул и еще раз открыла то фото. Посмотрела на девушку внимательнее. Нажала на профиль. Лена Савельева. Двадцать шесть лет. Работает в их компании второй год. Подписана на Петра. В её сторис – тренажерный зал, чашки кофе на вынос, стопки модных книг... и два кадра с той же конференции.

На одном из них – его часы на фоне женской руки. Руки с алым маникюром. И подпись: «Ты знаешь, кто ты для меня».

Сердце забилось так, будто я бежала марафон. В голове стоял звон, словно от удара. Пальцы дрожали так сильно, что я с трудом нажала кнопку блокировки – экран погас. Телефон остался в руке, холодный и тяжёлый, как улика.

Я слышала, как в моей голове звучит собственный голос: «Нет. Это ошибка. Это не он. Это... что-то другое. Совпадение. Не может быть. Только не Пётр».

Но с каждой секундой этот голос становился всё тише, заглушаемый другими головами, которые нашептывали: «Ты всегда знала. Просто не хотела видеть. Вспомни все знаки. Вспомни ночи, когда он не приходил. Вспомни все отговорки».

Я положила телефон на стол, словно он жег мне кожу. Отступила на шаг. Затем еще на один. Как будто от прикосновения к нему я осквернилась, как будто эта фотография была не пикселями на экране, а ядом, просочившимся в мою жизнь...

А ведь утро началось, как всегда, с аромата кофе и звука щёлкающего тостера. Я стояла у плиты, механически переворачивая блин, не отрывая взгляда от окна. За стеклом расстилался наш двор, покрытый тонкой пеленой инея. Деревья сверкали серебром, а первые робкие лучи солнца пробивались сквозь тяжелые ноябрьские облака. Эта картина сопровождала меня много лет – безмолвный фон к моей жизни в тихом доме на окраине города, где утро пахло хлебом и надеждой, а вечер – ванилью, свечами и тихой усталостью.

На кухонном столе уже стояли тарелки, расставленные с педантичной симметрией – как любил Пётр. Даже после пятнадцати лет брака я помнила, как важны для него эти мелочи. Салфетки, сложенные треугольниками, чашки с ручками, повернутыми вправо, джем в стеклянной банке и масло в белой фарфоровой маслёнке, доставшейся мне от бабушки. Всё это было частью нашего молчаливого соглашения – я создавала утро, а Пётр делал день. Мои руки слегка подрагивали от утренней прохлады, но внутри разливалось тепло от этой привычной рутины, от ощущения нужности и порядка.

– Мам, я опоздаю! – раздался из комнаты звонкий, но раздраженный голос Леры. Моя дочь, пятнадцать лет и целая вселенная противоречий внутри. – Где моя синяя кофта? Та, с капюшоном!

– В шкафу посмотри на верхней полке, – ответила я, не оборачиваясь, чувствуя, как уголки губ сами собой поднимаются в улыбке. – И не забудь сменку. Вчера физкультура была, ты её стирать собиралась.

Я услышала тяжелый вздох и топот босых ног по деревянному полу. Лера ворвалась на кухню вихрем, на ходу завязывая свои длинные каштановые волосы в небрежный хвост. На щеках её еще виднелись следы подушки, а в глазах плескалось то особое подростковое раздражение, которое я научилась принимать как часть взросления.

– Папа меня отвезёт? – спросила она, метнув взгляд на настенные часы, которые безжалоотно отсчитывали минуты до начала занятий.

– Он ещё не вышел из душа, – объяснила я, наливая в её любимую кружку с единорогом ароматный чай с бергамотом. – Дай ему пять минут. Садись, я уже наливаю тебе чай. И есть блины, с твоим любимым малиновым джемом.

Лера недовольно засопела, но всё же плюхнулась на стул и, как всегда, моментально погрузилась в телефон. Я видела, как её пальцы быстро скользят по экрану, а брови то поднимаются, то хмурятся в ответ на сообщения друзей. Мой собственный телефон лежал рядом на столе, экраном вниз, ожидая моего ежедневного ритуала – просмотра социальных сетей за утренним кофе.

Через пару минут на кухне появился Пётр – свежесбритый, с еще влажными волосами, в тёмно-синем джемпере, который я подарила ему на день рождения в прошлом году. Этот цвет всегда подчёркивал ширину его плеч и делал глаза почти синими. Высокий, уверенный, с легкой полуулыбкой на губах – он входил в комнату, как актёр на сцену: с полным осознанием того, что на него смотрят. Даже дома, даже перед нами, своей семьей, он всегда немного играл. Я замечала это годами, но принимала как его особенность, его способ взаимодействия с миром.

– Доброе утро, мои девочки, – произнес он бодрым голосом, целуя меня в висок, а Леру в макушку. Его дыхание пахло мятной зубной пастой, а кожа – парфюмом с нотами кедра. – Прекрасно выглядите как всегда.

Я ощутила знакомое тепло от его прикосновения и привычную гордость от того, что он мой. Пятнадцать лет вместе, а он всё ещё умел заставить мое сердце биться чуть быстрее.

– Ты, как всегда, опаздываешь, – буркнула Лера, отпивая чай и не отрываясь от телефона. – У меня первая контрольная сегодня.

– Не ной, принцесса, я доведу тебя за семь минут, – он подмигнул ей с той отцовской нежностью, которую приберегал только для неё. – На первой паре всё равно химия, я тебя от неё спасаю.

– Привет, родной, – сказала я чуть тише, подавая ему тарелку с блинами, на которую выложила маленький узор из малинового варенья – наша давняя традиция...

Глава 2+

«Стендаль... «Красное и чёрное»... любовный треугольник...» – мысленно проговорила я, выстраивая в голове план лекции, по дороге в университет.

Зарядивший дождь барабанил по крыше моей машины. Дворники монотонно скрипели, размазывая капли по лобовому стеклу. Я раз за разом пыталась сосредоточиться на предстоящей лекции о французской литературе XIX века, но мысли упрямо возвращались к увиденному фото. Браслет... чертов браслет на запястье Лены.

Светофор загорелся красным, и я резко затормозила. Слишком резко – сумка съехала с пассажирского сиденья, рассыпав содержимое. Ручки, блокнот, помада, ключи от кабинета... И телефон, который тут же завибрировал с новым уведомлением.

@lenasavelskaya выложила новую историю.

Моя рука дрогнула, но я не открыла уведомление. Не сейчас. Не здесь. Сначала нужно было найти доказательства. Что-то более существенное, чем браслет на фото. Что-то, что убедило бы меня окончательно.

В аудитории было непривычно шумно. Студенты второго курса обсуждали предстоящий зачёт, кто-то листал конспекты, кто-то доедал бутерброд. Обычное утро в университете. Я поставила сумку на стол, достала папку с материалами и заметила, что мои руки дрожат.

– Доброе утро, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. – Сегодня мы продолжим тему романтизма и реализма в европейской литературе.

Я начала говорить, механически произнося заученные фразы. Мои глаза скользили по лицам студентов, но не видели их. В голове крутилось одно: «Как я могла быть такой слепой?»

– Профессор? – раздался голос с первого ряда. – Вы уже третий раз говорите о символизме цвета у Стендаля.

Студенты переглянулись. Кто-то хихикнул.

– Простите, – я встряхнула головой. – Давайте вернёмся к основной теме.

Я продолжила лекцию, но чувствовала, как слова теряют смысл, а мысли разбегаются. И когда прозвенел звонок, я испытала невероятное облегчение...

Вернувшись домой, я первым делом пошла в кабинет Петра. Сейчас, когда ни его, ни Леры не было дома, я могла спокойно начать поиск. Хотя что именно искать, я не знала.

Ноутбук был защищён паролем. Раньше меня это не беспокоило – мы всегда уважали личное пространство друг друга. Теперь каждая запароленная вещь казалась тайной комнатой, куда мне вход воспрещён.

Я открыла ящик стола. Аккуратно сложенные документы, счета, какие-то договоры. Ничего личного. Ничего, что могло бы выдать двойную жизнь.

Затем я перешла к прикроватной тумбочке в спальне. Всё там было аккуратно, почти стерильно – будильник, зарядка для телефона, какая-то деловая книга, которую он всегда начинал читать и никогда не заканчивал. И его личный блокнот в кожаной обложке.

Я взяла блокнот в руки, ощущая его тяжесть и фактуру кожи под пальцами. Этот блокнот всегда был с ним, но казался почти пустым – только сухие списки: дела на день, звонки клиентам, встречи с поставщиками. Пётр не любил записывать личные мысли, не вёл дневник.

Я начала листать страницы – ничего необычного. Даты, имена, телефоны, схематические наброски каких-то проектов. Но на одной из страниц, ближе к середине, я остановилась.

Короткая запись, сделанная его аккуратным почерком: «18:00 / L. – кафе на Пр. Мира, не забыть про серьги».

Никакого года. Никакого месяца. Только время, инициал и украшение. Л. Лена? Кто ещё? Я провела пальцем по этим буквам, как по шраму. Во рту пересохло.

«Я не помню, чтобы получала от него серьги в этом кафе», – мелькнула мысль. Деловые партнёры в блокноте всегда были обозначены полностью – имя, фамилия, компания, должность. Это была личная запись. И я наконец-то получила то, что искала – ещё одно доказательство. Ещё один кусочек паззла.

Я положила блокнот на место и медленно опустилась на край кровати. Нашей общей кровати. Вспышками перед глазами проносились воспоминания.

Серьги с сапфирами – «под цвет твоих глаз». Платье, которое я никогда не надела – слишком облегающее, не мой стиль. Крем для рук «в твоём любимом запахе» – только это был не мой любимый запах, а какая-то приторная ваниль. Я сказала, что нравится, из вежливости, чтобы не обидеть.

Он стал приходить позже. Раньше возвращался к семи, потом – к восьми, а теперь часто и к десяти. Встречи, командировки, клиенты...

Он часто бывал в командировках. В Москве, в Питере, однажды даже в Праге. Всегда показывал билеты, всегда писал из гостиниц, звонил перед сном. Безупречное алиби. Или безупречная ложь?

Он отворачивал экран телефона, когда получал сообщения. Особенно вечером. Особенно когда мы вместе смотрели фильмы.

Он... стал холоднее в постели. Я списывала это на возраст, на рутину пятнадцати лет брака, на стресс от работы.

Столько мелочей, которые не были явными сигналами. Всё – «в пределах нормы». Всё объяснимо. Если не хочешь видеть правду.

Я открыла телефон и снова увидела уведомление из соцсетей. Пальцы словно сами коснулись экрана.

Фото в кафе. Два бокала на деревянном столике у окна. Один – с чёрным кофе без молока, второй – с ярким апельсиновым фрешем. На столе – белая накрахмаленная салфетка. Сложенная в виде сердца.

Никакой подписи. Никаких хэштегов. Просто изображение, которое говорило больше, чем тысяча слов.

Но я узнала этот стол. Этот интерьер с приглушённым светом и кирпичными стенами. Маленькое кафе на углу Садовой и Проспекта Ленина. Мы с Петром были там вместе, много раз. Каждый раз после посещения театра. Это была наша маленькая традиция.

Он называл это место «нашим тихим уголком».

Когда-то водил туда меня. Теперь – Лену? С таким же выражением лица? С такими же словами? Складывал для неё салфетки, как раньше складывал для меня?

Тошнота подступила к горлу. Я быстро закрыла телефон. Слезы нахлынули с такой силой, что я не могла дышать. Закрыв лицо руками, я разрыдалась, как не плакала, наверное, со студенческих лет – с отчаянными всхлипами, дрожащими плечами, с тем чувством, когда кажется, что внутри тебя что-то умирает.

Пятнадцать лет. Пятнадцать лет я отдала этому человеку. Родила ему дочь. Построила дом. Создала уют. Была рядом в болезни и в здравии, как обещала когда-то.

А он водил её в наше кафе. Наш тихий уголок. И складывал для неё салфетки в форме сердца.

А потом шёл домой. Ко мне.

И мир, который казался таким прочным ещё вчера, продолжал рассыпаться, осколок за осколком...

Глава 3+

– Тебе с мятой или с лимоном? – голос Марины прозвучал легко, как всегда, но в нём была та внимательность, которую я знала с университетских времён. Внимательность, которая не пугала, не давила, просто... существовала рядом, как надёжное плечо.

Я сидела на её мягком диване цвета топлёного молока, машинально обнимая декоративную подушку с вышитыми маками, и чувствовала себя как человек, у которого внезапно отобрали воздух. словно кто-то выкачал его из комнаты, оставив меня задыхаться в пустоте своих мыслей. Костяшки пальцев побелели от того, как сильно я сжимала эту несчастную подушку – мой единственный якорь в реальности, которая рассыпалась на глазах.

– Без разницы, – пробормотала я, невидяще глядя перед собой. – Главное – что горячее.

Марина мягко кивнула и скрылась на кухне. Я слышала, как она открывает шкафчики, как звенит ложка о фарфор чашки, как шумит чайник. Эти обыденные звуки казались сейчас такими драгоценными, такими настоящими – в отличие от моей жизни, которая превратилась в какую-то жестокую пародию.

В её квартире пахло яблочным пирогом и хрустящей бумагой свежих журналов по дизайну, которые она всегда покупала по пятницам. На журнальном столике лежала недочитанная книга, рядом – маленький кактус в глиняном горшке. Здесь было тепло. Здесь было безопасно. Здесь можно было развалиться и быть собой – уставшей, испуганной, растерянной. Не нужно было держать лицо, не нужно было притворяться.

Марина вернулась с двумя дымящимися кружками и села рядом со мной. Мягкий диван прогнулся под её весом. Она протянула мне чашку – свою любимую, с изображением Эйфелевой башни, ту, из которой обычно пила сама.

– Ты так говорила в последний раз, когда у Леры была температура под сорок, и ты трое суток не спала, – заметила она, внимательно наблюдая за мной поверх края своей чашки. – «Без разницы, главное – горячее». Что случилось, Нина?

Я долго молчала. Просто смотрела на кружку в руках, наблюдая, как поднимается пар, как он танцует в воздухе, прежде чем раствориться. Мои пальцы обхватили горячий фарфор, будто в нём было что-то особенное, что-то, способное удержать реальность от окончательного распада. Тепло растекалось по ладоням, но не проникало глубже – внутри всё равно был холод.

– Я... думаю, Пётр мне изменяет, – выдохнула я наконец, и слова повисли в воздухе, тяжёлые, будто свинец.

Марина не ахнула, не закатила глаза, не бросилась с расспросами, как сделали бы многие. Только немного откинулась на спинку дивана. Сделала паузу. Я чувствовала её взгляд, но не могла поднять глаза. В горле стоял ком размером с кулак.

– Почему ты так думаешь? – спросила она наконец, очень спокойно, без тени осуждения или недоверия.

И тогда я начала говорить. Слова полились потоком, который невозможно было остановить. Про фото в Instagram, про руку этой женщины на его плече, про браслет – тот самый, который я видела на нашей тумбочке, про сторис с двумя бокалами в нашем любимом кафе. Про подпись, скрытую от большинства глаз, но кричащую для меня: «Ты знаешь, кто ты для меня». Про его поздние возвращения, про холодность в постели, про отвёрнутый экран телефона. И про то, как всё это похоже на пазл, который складывается без моего участия, прямо у меня на глазах, а я стою, парализованная, и не могу ничего сделать.

Пока я говорила, чай остывал. А вместе с ним остывало и что-то внутри меня – та вера в незыблемость нашего брака, которую я так бережно хранила пятнадцать лет.

– Может, это и правда совпадение, – добавила я тихо, когда иссяк поток слов. – Может, я... ревную. Или выдумываю. Или завидую. Может, я с ума схожу?

В этот момент мой голос дрогнул. Я, наконец, подняла глаза и встретилась взглядом с Мариной. Она смотрела на меня прямо. Точно. Без жалости. Но с такой любовью и пониманием, что что-то внутри меня надломилось.

– А ты уверена, что это ты с ума сходишь? – спросила она, и этот вопрос был как камень, брошенный в тихую воду. Круги тотчас разошлись по всему моему сознанию.

Я не ответила. Не могла. Потому что, если честно, я подозревала ответ. И он меня пугал.

– Знаешь, – продолжила Марина после паузы, – иногда то, что кажется бредом, – это интуиция. Мы, женщины, как собаки на запах. Мы чувствуем раньше, чем понимаем. И часто отмахиваемся от своих ощущений, потому что они неудобны. Потому что признать их – значит что-то менять. А менять страшно.

Она говорила мягко, но я слышала в её словах сталь. Марина всегда была сильнее меня. Решительнее. Она развелась пять лет назад после того, как застала мужа с секретаршей. Не устроила скандала. Просто собрала вещи и ушла. И никогда не жалела.

– Но доказательств нет, – возразила я, цепляясь за последнюю соломинку надежды. – Только намёки, ощущения, детали. Ничего конкретного. Ничего, что я могла бы предъявить ему.

– А зачем тебе доказательства? – вдруг спросила она, наклоняясь вперёд. – Чтобы себя убедить? Или чтобы его уличить? Главное же, Нина... ты чувствуешь, что что-то не так. Этого уже достаточно.

Я слотнула. В горле было сухо, несмотря на недавний чай, который так и остался нетронутым в моих руках.

– Я просто... не знаю, что делать, – призналась я, и это было так больно – признать своё бессилие. – Пока не знаю. Я боюсь.

Боюсь, что он уйдёт. Боюсь, что останется из жалости. Боюсь потерять нашу жизнь, нашу семью, нашу дочь. Боюсь быть одной. Боюсь, что пятнадцать лет были потрачены впустую. Боюсь, что никогда больше не смогу доверять. Боюсь, что предала саму себя, закрывая глаза на очевидное.

Марина понимающе кивнула. Она знала. Она прошла через это.

– Это нормально, – сказала она с мягкой улыбкой. – Это честно. Ты имеешь право бояться. Никто не обещал, что будет легко. Но ты ещё больше имеешь право знать правду. Не ту, что тебе преподносят. А настоящую. И что бы ты ни решила, я рядом. Всегда.

Эти простые слова вдруг пробили плотину. Слёзы, которые я сдерживала всё это время, пока находилась здесь, хлынули потоком. Я плакала, уткнувшись в плечо подруги, плакала – навзрыд, со всхлипываниями, с ощущением, что весь мир рушится.

Марина просто держала меня. Не говорила банальных утешений. Не обещала, что всё будет хорошо. Просто держала, давая выплакаться.

И постепенно, как после сильной грозы, наступило какое-то странное облегчение. Словно выплакав всё это, я освободила место для чего-то нового. Для решений, которые предстояло принять...

Поздно вечером, когда Лера уже спала в своей комнате (вернулась от подруги с горящими глазами и историями, которые я слушала, не слыша), а Пётр принимал душ, я снова открыла Instagram.

Лена выложила новое фото. Ничего личного, ничего явного. Просто пейзаж – осенний парк, жёлтые листья на мокрой земле. Чашка кофе на деревянной скамейке. И надпись, которая ударила меня под дых: «Доверие – хрупкая штука. Ломаешь раз – и всё».

Я замерла, глядя на экран. Это могло быть совпадением. Просто философская фраза, которую постят тысячи людей. Но в контексте всего, что я узнала, это выглядело как послание. Кому? Ему? Мне? Или это просто очередная уловка моего воспаленного сознания?

Я не нажала на «лайк». Не написала ничего в комментариях, хотя пальцы зудели от желания написать: «Я знаю». Просто закрыла приложение и отложила телефон, словно он обжигал мне руки.

А потом, повинувшись какому-то внутреннему импульсу, встала и подошла к книжной полке. Достала оттуда старую тетрадь в потрёпанной обложке, которую когда-то использовала для записей рецептов – кулинария была моим хобби в первые годы брака, когда я ещё верила, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок.

Тетрадь была наполовину пуста – я забросила записи после рождения Леры, когда времени на эксперименты на кухне уже не хватало. На первой чистой странице, которую я нашла после рецепта тирамису, я решительно написала:

«1. инстаграм – фото с браслетом, Пётр и Лена слишком близко.

2. Сторис – часы Петра.

3. Браслет – говорил, что «подарили». Пропал.

4. Запись в блокноте – L., серьги, кафе.

5. Парфюм не мой. Стал приходиться позже. Холодный.

6. Лена выкладывает сторис с его фразами, косвенно.

7. Интуиция.

8. Новое фото: «Доверие – хрупкая штука.

Затем я отложила ручку и посмотрела на список. Надписи расплывались перед глазами – то ли от усталости, то ли от непролитых слёз. Я провела пальцем по бумаге, по этим строчкам, которые складывались в одну большую боль.

Это уже не было случайностью. Не было паранойей или ревностью. Это был план. Или как минимум карта тревоги, которая вела меня всё ближе к правде. К правде, которую я, возможно, не хотела знать, но которую имела право увидеть.

Я закрыла тетрадь и спрятала её между кулинарными книгами. Шум воды в ванной прекратился. Через минуту послышались шаги Петра.

Когда он вошёл в спальню, я уже лежала в постели, отвернувшись к стене. Притворяясь спящей, но с открытыми глазами, которые он не мог видеть. Кровать прогнулась, когда он сел на свою сторону.

– Ты чего не спишь? – спросил он, все же заметив, что я не сплю. В его голосе было что-то... обыденное. Привычное. Словно не было никакой Лены, никаких тайн.

– Думаю, – ответила я, и мой голос прозвучал ровно, спокойно, хотя внутри всё кричало.

– О чём?

Я медленно повернулась и посмотрела ему прямо в глаза. Искала в них... что? Вину? Страх? Любовь?

– О доверии, – сказала я, не отводя взгляда. – О том, как его можно потерять.

Он слегка нахмурился. В его взгляде мелькнуло что-то – беспокойство? Тревога? Или мне показалось? Но он не сказал ничего. Просто кивнул, словно мы обсуждали погоду, лёг рядом и закрыл глаза.

А я осталась смотреть в потолок, в темноту комнаты, с широко открытыми глазами и новым ощущением внутри. Оно пробивалось сквозь боль и замешательство, сквозь страх и неуверенность. Не ярость. Не паника. Решимость. Медленная, как утренний лёд на окне. Но крепкая. И с каждым вдохом она становилась всё сильнее.

Может быть, я не знала, что делать дальше. Может быть, путь впереди был туманным и страшным. Но одно я знала точно: я больше не буду закрывать глаза. Я больше не буду притворяться, что не вижу. Я имею право на правду. Какой бы горькой она ни была.

Глава 4+

После разговора с Мариной я стала словно другим человеком. Будто между утром прошлого дня и вечером сегодняшнего прошли не часы, а годы. Что-то фундаментальное сдвинулось внутри меня, какая-то опора, на которой держалась моя жизнь, покачнулась и уже не могла удержать привычную картину мира.

Вернувшись домой после, казалось бы, бесконечного дня в университете, я вдруг ощутила странную отрешенность. Было чувство, будто я наблюдаю за собственными движениями со стороны: вот я открываю дверь, вот снимаю плащ, вот вешаю его на крючок, где уже висела куртка Леры. Она была дома. Наверное, в своей комнате, с наушниками, как обычно. Не слышала, как я вошла.

В прихожей пахло ванилью – диффузор, который я поставила вчера утром. Тот же запах, что у крема для рук, «в моем любимом аромате». Этот запах теперь казался мне тошнотворным. Словно этот приторный аромат был еще одним слоем лжи, пропитавшей наш дом.

Прошла в гостиную и осмотрелась. Странно, все предметы были на своих местах, но теперь они казались декорациями в театре абсурда. Фотографии в рамках на стене – наши улыбающиеся лица на фоне моря, гор, европейских площадей. Лера, совсем маленькая, с мороженым, которое размазалось по подбородку. Пётр с загорелыми плечами на пляже. Я в шляпе, смеющаяся от чего-то, что сейчас уже не вспомню.

Реальны ли они? Существовали ли эти моменты? Или это была искусная имитация счастья, в которую я сама поверила?

Я подошла к книжной полке и нашла тетрадь, куда записала улики. Достала её, перелистнула до страницы со списком. Восемь пунктов, написанных моим торопливым почерком. Теперь после разговора с Мариной, они казались не просто подозрениями сумасшедшей, а вполне реальными доказательствами.

Я взяла ручку и добавила: «9. Никогда не говорит о ней. Не упоминает. Даже случайно».

Это вдруг показалось странным. В компании Петра работало не так много женщин, и если эта Лена была его подчинённой или коллегой, логично было бы упоминать её имя в рассказах о работе. Но я не могла вспомнить ни одного случая. Словно он специально избегал её имени в разговорах со мной...

На кухне я поставила чайник. Привычные движения в знакомом пространстве, которое вдруг стало чужим. Я открыла шкафчик за крупами и специями. Там, за банками с гречкой и рисом, я хранила шоколад – свой секретный запас для стрессовых ситуаций. Достала плитку, машинально отломил кусочек. Положила на язык, но не почувствовала вкуса.

Чайник щёлкнул. Я залила кипятком в кружку, бросила пакетик чая. На секунду задумалась – не добавить ли чего покрепче? Но отмела эту мысль. Нужна ясная голова. Сейчас как никогда.

С чашкой в руке я пошла в кабинет Петра. Вчера я уже искала там доказательства, но, может быть, что-то пропустила? Теперь, когда мои глаза по-настоящему открылись, я могла увидеть то, что раньше не замечала.

Кабинет был безупречен. Стол, компьютер, книжные полки. Несколько наград за достижения в бизнесе. Фотография нас троих в серебряной рамке – её он поставил после того, как я заметила, что в его кабинете нет ни одной нашей фотографии. Тогда я подумала, что он просто не придаёт этому значения. Теперь понимала – он разделял свои миры.

Я провела пальцем по корешкам книг на полке. Современные бизнес-бестселлеры вперемешку с классикой: Драйзер, Хемингуэй, Фицджеральд. Мои подарки. Интересно, читал ли он их вообще?

На краю стола стояла маленькая статуэтка – бронзовый орёл с расправленными крыльями. Подарок от партнёров из Германии, как он мне рассказывал. Я взяла её в руки, ощутив холодную тяжесть металла. Символ свободы. Символ полёта. Был ли наш брак для него клеткой, из которой он стремился вырваться?

Я поставила статуэтку на место и заметила, что под ней осталось пыльное пятно – круг на полированной поверхности стола. В этом идеально убранном кабинете, где все поверхности блестели, словно в операционной, эта пыль казалась чем-то противоестественным. Значит, недавно орла передвигали. Зачем?

Я приподняла статуэтку снова и посмотрела на её основание. Ничего. Пустота. Разочарование кольнуло в груди. Что я надеялась найти? Записку от любовницы? Тайный ключ? Возможно, это просто отчаяние толкало меня на бессмысленные поиски.

Я вернулась в гостиную. Включила телевизор, просто чтобы заполнить тишину. Какое-то ток-шоу с излишне бодрыми ведущими, обсуждающими проблемы современной семьи. Ирония момента не ускользнула от меня...

– Мам, ты дома? – голос Леры донёсся из прихожей. За размышлениями я не услышала, как открывалась входная дверь и что дочь выходила из дома.

– Да, в гостиной.

– Жуть какая на улице, – сказала она, бросая рюкзак на диван. – У Машки день рождения в субботу, можно я останусь у неё с ночёвкой? Ее родители разрешили.

А я смотрела на неё и видела Петра. Тот же разрез глаз, та же линия подбородка, даже жесты – вот она заправляет волосы за ухо, совсем как он. И в этот момент я поняла, что никогда не смогу по-настоящему избавиться от него, даже если захочу. Он всегда будет со мной – в её чертах, в её голосе...

– Мам? – она помахала рукой перед моим лицом. – Ты в порядке? Выглядишь странно.

Я слотнула, пытаясь взять себя в руки. Пятнадцать лет я не позволяла своим проблемам влиять на неё и не собиралась начинать сейчас.

– Конечно, можно, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал нормально. – Только напиши мне адрес и телефон её родителей.

Лера кивнула, но продолжала смотреть на меня с подозрением. Я знала этот взгляд. Она всегда была наблюдательной, чувствовала малейшие изменения в моём настроении. Это было и благословением, и проклятием.

– Что-то случилось? – спросила она, садясь рядом со мной на диван. – Ты какая-то... не такая.

Я покачала головой, выдавив улыбку.

– Просто устала. Тяжёлый день в университете.

– Точно? – её тон стал серьёзным, почти взрослым. – Ты знаешь, что можешь рассказать мне, если что-то не так.

Сердце сжалось от внезапного осознания. Когда моя маленькая девочка успела стать такой взрослой, такой чуткой? И как мне оградить её от этого хаоса, который сейчас бушевал во мне?

Я протянула руку и погладила её по волосам, как делала, когда она была маленькой.

– Знаю, милая. Просто правда устала. Кстати, ты ужинала?

Она покачала головой.

– Есть что-нибудь?

– Я могу разогреть лазанью, – предложила я, радуясь возможности сменить тему. – Осталась со вчерашнего дня.

Лера поднялась, но вдруг задержалась, глядя на стену с фотографиями.

– Знаешь, я недавно смотрела эти старые фото, – сказала она задумчиво. – Так было здорово, правда? Я до сих пор помню, как папа учил меня плавать в океане.

Я замерла. Поездка в Испанию. Четыре года назад. Маленький прибрежный городок, где мы сняли виллу. Утренние пробежки по пляжу. Вечерние прогулки по набережной. Долгие, честные разговоры под звёздами. Был ли он уже тогда с ней? Играл ли тогда в двойную игру?

– Да, мы были счастливы, – сказала я тихо, бросив украдкой взгляд на дочь – использовала прошедшее время и сама испугалась. Но Лера, кажется, не заметила.

– Давай повторим этим летом? – предложила она, глаза загорелись энтузиазмом. – Только не в тот же город, а может, на Балеарские острова? Я смотрела, там такие пляжи!

Я кивнула, не в силах сказать «нет» этой мечте. Не в силах объяснить, что к лету всё может измениться. Что наша семья, возможно, уже никогда не будет прежней.

– Обязательно, – солгала я. – Даже можем начать планировать.

Она просияла и убежала на кухню, а я осталась стоять, глядя на фотографии на стене. Счастливые моменты, застывшие во времени. Сейчас они казались кадрами из фильма, который я посмотрела давным-давно. Фильма о какой-то другой семье, не моей.

После ужина Лера ушла в свою комнату – делать домашнее задание, как она сказала, хотя я подозревала, что она просто будет переписываться с друзьями. А я снова осталась одна в гостиной, наедине со своими мыслями.

Телевизор продолжал работать фоном, но я не обращала на него внимания. Взяла телефон, открыла Соцсети. Последнее время я проверяла его с навязчивой регулярностью. Новых постов от Лены не было. Интересно, знала ли она обо мне столько же, сколько я теперь знала о ней? Следила ли за моими публикациями, изучала ли мою жизнь?

Я вышла на её страницу. Пролистала ленту. Ничего явного, никаких прямых доказательств. Просто намёки, которые теперь казались мне очевидными. Вот она в кафе, где мы с Петром праздновали десятую годовщину свадьбы. Вот она с книгой, которую он цитировал за ужином несколько недель назад. Вот она в Праге – именно тогда, когда у него была там «деловая поездка».

Всё это могло быть совпадением. Но я уже не верила в совпадения.

Звук оповещения прервал мои размышления. Новое сообщение в соцсетях. От Лены. Сторис.

Сердце забилось быстрее. Палец завис над экраном. Открывать или нет? Хватит ли у меня сил снова видеть доказательства его предательства?

Я открыла.

Фотография: женская рука с браслетом – тем самым, с жемчужной подвеской – лежит на столе. Рядом чашка кофе и ежедневник с логотипом их компании. На заднем плане – размытая мужская фигура. И подпись: «Никогда не теряй себя в отношениях. Даже ради любви».

У меня перехватило дыхание. Это уже не было совпадением или намёком. Это было посланием. Наглым, прямым. Она знала, что я вижу. Знала, что я знаю. И всё равно продолжала эту игру.

От этой мысли мне стало почти физически больно. Я бросила телефон на диван, как будто он обжёг мне пальцы, и подошла к окну. На улице было темно, фонари отбрасывали жёлтый свет на мокрый от дождя асфальт. Обычный вечер в ноябре. Люди спешили домой, в тепло, к своим семьям. К реальности, которую считали настоящей...

Мой взгляд остановился на отражении в тёмном стекле. Женщина средних лет, с уставшими глазами и поникшими плечами. Я почти не узнавала себя. Или, может быть, наоборот – наконец-то увидела настоящую себя, без масок и притворства. Я смотрела на своё отражение и внезапно поняла: что бы ни случилось дальше, я больше не позволю себе жить в иллюзии. Не позволю превратиться в тень, в призрак в собственном доме. Что-то изменилось во мне

в тот момент. Словно глубоко внутри проснулась та Нина, которой я была до встречи с ним. Сильная, независимая... та, что не боялась будущего, потому что верила в себя...

Звук открывающейся входной двери заставил меня вздрогнуть.

– Я дома! – голос Петра разнесся по квартире, такой привычный, такой... нормальный.

Я расправила плечи и вышла из гостиной, готовясь встретиться с человеком, которого, как мне казалось, знала лучше всего на свете. В полумраке коридора он выглядел всё таким же красивым, сильным, уверенным в себе. Тем самым мужчиной, в которого я влюбилась пятнадцать лет назад.

– Привет, – сказал он, улыбаясь своей обычной улыбкой. – Что у нас на ужин?

Такой простой вопрос. Такой будничным. Словно не было другой женщины, других кафе, других поцелуев. Словно наша жизнь не была построена на лжи.

Я посмотрела ему прямо в глаза. Впервые за долгое время я видела его по-настоящему.

– Вчерашняя лазанья, – ответила я, и мой голос прозвучал на удивление спокойно.

– Хм... хорошо, – на миг растерялся муж, тут же понимающе улыбнувшись.

– Нам нужно поговорить... но не сегодня. Лера дома. Не хочу, чтобы она что-то слышала.

Его улыбка дрогнула. В глазах мелькнуло что-то – тревога? Страх? Вина? Но он быстро восстановил контроль.

– Конечно, – ответил он легко. – Завтра. Или, когда захочешь.

Он прошёл мимо меня, и я почувствовала запах его парфюма. Того самого, который когда-то заставлял моё сердце биться чаще. Сейчас он вызывал только недоумение и злость.

– Да, завтра, – проронила, отрешенно глядя ему вслед...

Глава 5+

Утро началось с аромата кофе. Знакомого, родного, единственного неизменного элемента в моей рассыпающейся жизни. Я лежала в постели, глядя в потолок, прислушиваясь к звукам на кухне. Пётр готовил завтрак. В обычное утро это вызвало бы улыбку – его редкий приступ домашнего энтузиазма, трогательная попытка позаботиться. Сегодня же каждый звук – звон ложки о чашку, шипение кофемашины, шорох газеты – казался частью хорошо отрепетированного спектакля.

Я встала, накинула халат и посмотрела на себя в зеркало. Лицо было бледным, под глазами залегли тени, но взгляд стал другим. Уже не растерянным, не испуганным. Решительным.

Я провела рукой по волосам, собирая их в небрежный пучок и сделав глубокий вдох, вышла из спальни, на секунду остановившись у комнаты Леры. Дверь была закрыта, но из-за неё доносилась тихая музыка. Она уже проснулась, собиралась в школу. Я подавила желание постучать, обнять её, сказать что-то важное. Не сейчас. Сначала нужно разобраться с ним.

На кухне Пётр стоял у плиты, поджаривая тосты. Безупречно одетый – белая рубашка, тёмные брюки, свежевыбритый подбородок. Воплощение делового успеха. Мой муж. Чужой человек.

– Доброе утро, – сказал он, улыбаясь той улыбкой, которая когда-то заставляла моё сердце трепетать. Теперь она вызывала только глухую боль в груди. – Кофе готов. Я сделал твой любимый – с кардамоном.

Я кивнула, не доверяя своему голосу. Взяла чашку, которую он протянул, наши пальцы на секунду соприкоснулись. Раньше от такого прикосновения по коже пробежали бы мурашки. Сейчас – ничего.

– Спасибо.

– Плохо спала? У тебя усталый вид, – обеспокоенно спросил Пётр, внимательно на меня посмотрев.

В его голосе звучала искренняя забота. Как он это делал? Как совмещал эту заботу, эту нежность с предательством? Был ли он гениальным актёром или просто психопатом, неспособным к настоящим чувствам?

– Да, – коротко ответила я, отворачиваясь к окну. – Много думала.

Он подошёл ближе, я услышала его шаги, почувствовала тепло его тела за спиной, а потом он положил руку мне на плечо. Тяжёлую, тёплую руку, которая, возможно, вчера касалась другой женщины, скользила по её коже, гладила её волосы. От этой мысли к горлу подступила тошнота, я сделала глубокий вдох, борясь с желанием сбросить его руку.

– О чём? О том разговоре, который ты хотела начать вчера?

Я медленно повернулась и посмотрела ему прямо в глаза. Тёмно-карие, с лучиками морщинок в уголках – следами улыбок, настоящих и фальшивых. Когда-то я могла читать эти глаза как открытую книгу. Теперь они казались мне непроницаемыми, как тёмное стекло.

– О нас, – ответила я, чувствуя, как каждое слово даётся мне с трудом. – О том, что происходит.

Пётр слегка напрягся, я почувствовала это по тому, как его пальцы чуть сильнее сжали моё плечо. Но улыбка не дрогнула, осталась такой же тёплой и располагающей. Он был мастером контроля, виртуозом эмоциональной манипуляции.

– И что происходит? – спросил он легко, но я заметила, как его пальцы еще сильнее сжали мое плечо, как будто пытаюсь удержать меня от слов, которые могли бы разрушить хрупкое равновесие нашей лжи.

Я могла бы сказать всё прямо сейчас. Выплеснуть обвинения, показать доказательства, потребовать признания. Слова уже сформировались во рту, горькие, как полынь. Но что-то

внутри меня – может быть, последний осколок надежды, а может быть, инстинкт самосохранения или просто страх перед тем, что последует за правдой – сдержало меня.

– Не знаю, – солгала я, выдавив улыбку, которая, должно быть, выглядела гримасой боли. – Может быть, ничего. Просто странное настроение последние дни.

Он смотрел на меня секунду дольше, чем было необходимо, словно пытаюсь просканировать мои мысли. Затем кивнул.

– Понимаю. Ноябрь – тяжёлый месяц. У всех депрессия от этой серости.

Он убрал руку с моего плеча и вернулся к плите, где тосты уже начинали подгорать.

– У меня сегодня важная встреча в десять, – сказал он, меняя тему с ловкостью опытного дипломата. – Если всё пройдет хорошо, получим контракт на ближайшие два года. Стабильность, понимаешь?

«Стабильность». Слово, которое казалось мне таким важным когда-то. Синоним безопасности, спокойствия, надежности. Сейчас оно звучало, как насмешка, как горькая ирония судьбы. Какая может быть стабильность, когда земля уходит из-под ног?

– Это хорошо, – ответила я механически, словно робот, запрограммированный на поддержание светской беседы.

Он положил тосты на тарелку, поставил передо мной. Сел напротив, развернул на планшете деловую газету. Всё как всегда. Будничное утро семейной пары. Только внутри меня что-то умерло, оставив после себя пустоту, которая постепенно заполнялась новым чувством – не обидой, не болью, а чем-то холодным и твёрдым как камень.

– У тебя сегодня лекции? – спросил он, не отрываясь от чтения, пробегая глазами по строчкам с таким видом, будто они действительно его интересовали.

– Да, две. И заседание кафедры.

– Не забудь забрать мой костюм из химчистки, – он сказал это мимоходом, как что-то очевидное и естественное.

И вдруг эта фраза – такая обыденная, такая привычная, произнесённая тысячи раз за годы нашего брака – стала последней каплей. Той самой, которая переполняет чашу терпения и заставляет её переливаться через край.

– Забрать твой костюм? – переспросила я тихо, но с такой интонацией, что он поднял глаза от планшета. В моём голосе смешались недоверие, обида и что-то ещё, чему я не могла дать название. – Ты изменяешь мне с какой-то офисной девицей и просишь меня забрать твой костюм из химчистки?

Его лицо застыло, словно маска, и только зрачки расширились – единственный признак шока, который он не смог скрыть. В них всего лишь на мгновение мелькнуло что-то – страх? вина? – но тут же исчезло, сменившись холодным спокойствием.

– О чём ты говоришь? – спросил он после паузы, и его голос был идеально контролируемым. Ни возмущения, ни вины. Просто недоумение, словно я сказала что-то абсурдное.

– Ты знаешь, о чём я, – ответила я, удивляясь собственному спокойствию.

Он нахмурился, его рука с чашкой кофе замерла на полпути ко рту. Я заметила, как напряглись мышцы на его шее, как дёрнулся кадык, когда он сглотнул.

– Нет, действительно не знаю. Что за бред?

«Бред». Вот как он это назвал. Всё, что я чувствовала, все доказательства, которые собрала, все ночи без сна – просто бред. Горечь поднялась к горлу.

– Лена Савельская, – произнесла я имя, которое преследовало меня последние дни. – Твоя коллега. Молодая, светловолосая. С браслетом от Тиффани, который ты якобы выиграл на какой-то корпоративной лотерее. Помнишь такую?

Его лицо изменилось. Не сразу и не сильно – лишь легкая тень пробежала по нему, едва заметная морщинка появилась между бровями, уголок рта дрогнул в нервном тике. Но я знала его слишком хорошо. За пятнадцать лет изучила каждую чётточку этого лица, каждое микро-

выражение. Он был застигнут врасплох, сбит с толку, как шахматист, неожиданно обнаруживший, что его ферзь под ударом.

– А, Лена, – он пожал плечами с показным безразличием, быстро восстанавливая самообладание. – Конечно, помню. Она работает в отделе маркетинга. При чём тут она?

В его голосе не было ни тени волнения. Словно я спросила о погоде или о цене на бензин. Такая безупречная игра, что на мгновение я сама усомнилась в своих подозрениях. Но только на мгновение.

– При том что ты встречаешься с ней. Водишь её в наши любимые места. Даришь ей серьги и браслеты. Обнимаешь на корпоративах так, как не обнимают просто коллег.

Я говорила спокойно, почти деловито, словно зачитывала протокол или список покупок. А где-то глубоко внутри меня бушевал ураган эмоций – боль, обида, ярость, отчаяние, – но снаружи я была спокойна, как вода в озере в безветренный день. Это спокойствие давалось мне тяжело, каждое слово, произнесённое без дрожи в голосе, было маленькой победой над собой.

Пётр медленно поставил чашку на стол. Его рука, я заметила, слегка дрожала. Первая настоящая реакция, первая трещина в его безупречном фасаде. Маленькая, но достаточная, чтобы я увидела то, что скрывалось за ним.

– Ты следила за мной? – спросил он с ноткой возмущения, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на беспокойство.

Этот вопрос, эта попытка перевести стрелки с его поступков на мои, вызвали во мне волну гнева. Но я сдержалась, не позволила этой волне захлестнуть меня. Не сейчас, когда я, наконец, начала видеть его настоящего.

– Нет, – ответила я. – Соцсети следили за тобой. И моя интуиция, которой я не доверяла слишком долго.

Он покачал головой, изображая одновременно недоумение и раздражение – как человек, которого обвинили в чём-то абсурдном и неправдоподобном.

– Это смешно, Нина. Ты придумываешь какую-то чушь на основе фотографий в социальных сетях.

– А запись в твоём блокноте – тоже чушь? «18:00 / L. – кафе на Пр. Мира, не забыть про серьги». Это тоже я придумала?

Он на секунду замер, как будто кто-то нажал на паузу. Его глаза расширились, в них мелькнул испуг – животный, инстинктивный, как у зверя, попавшего в ловушку. Затем его лицо приняло выражение усталого терпения, как у взрослого, объясняющего ребёнку элементарные вещи.

– Ты рылась в моих вещах? – в его голосе было больше грусти, чем гнева, словно его разочаровал не факт измены, а то, что я посягнула на его личное пространство. – Господи, Нина, что с тобой происходит?

Я смотрела на него и не узнавала. Этот человек, который пятнадцать лет спал рядом со мной, который был отцом моего ребёнка, который знал все мои страхи и желания, мои слабости и силы, сейчас смотрел на меня, как на сумасшедшую, как на человека, потерявшего рассудок. И в его глазах не было ни капли раскаяния, ни тени вины – только беспокойство о том, как сохранить свой образ хорошего мужа.

– Со мной? – переспросила я тихо, чувствуя, как внутри поднимается волна ярости. – Со мной всё в порядке. Впервые за долгое время я вижу ясно.

– Лена – часть команды проекта, над которым я работаю. Конечно, я встречаюсь с ней – как и со всеми членами команды. Конечно, мы бываем в кафе – где ещё проводить встречи? И да, я, возможно, хотел подарить ей что-то в благодарность за хорошую работу – это нормальная практика. Но превращать это в какой-то бульварный роман... – он не закончил фразу, просто развел руками, как будто сама абсурдность моих подозрений делала их недостойными опровержения.

Каждое его слово звучало разумно. Логично. Правдоподобно. Но за этой логикой, за этой рациональностью скрывалось что-то ещё. Я чувствовала это так же ясно, как запах кофе, который всё ещё стоял между нами, как невидимый барьер.

– И фотографии с её сторис? – спросила я. – Те, где она цитирует твои любимые фразы? Где она выкладывает фото с нашего «особого места» с салфеткой, сложенной сердечком? Тоже совпадение?

Он выглядел искренне озадаченным, его брови сошлись на переносице, образуя глубокую вертикальную морщину. Или искусно изображал это, как актёр, годами оттачивающий своё мастерство.

– Я не знаю, о чём ты говоришь. Я не слежу за её сторис. И, честно говоря, удивлён, что ты следишь.

В этот момент в кухню вошла Лера. Она остановилась в дверях, почувствовав напряжение, висящее в воздухе, плотное, почти осязаемое, как туман над рекой в холодное утро. Её глаза – такие же карие, как у отца, но более открытые, более честные – переводили взгляд с него на меня, пытаясь понять, что происходит.

– Доброе утро, – сказала она неуверенно, теребя рукав свитера – привычка, которая появлялась у неё только когда она нервничала. – У вас всё нормально?

– Конечно, милая. Просто обсуждали рабочие моменты, – с улыбкой ответила, отодвинув от себя кружку с моим любимым кофе.

Пётр тоже улыбнулся, но его улыбка не достигала глаз, оставляя их холодными и настороженными.

– Доброе утро, принцесса. Тосты на плите, ещё тёплые.

Лера переводила взгляд с него на меня, явно не веря нашему показному спокойствию. Она всегда была чуткой, всегда чувствовала атмосферу в доме.

– Спасибо, но я не голодна, – сказала она, и в её голосе я услышала напряжение, которое она пыталась скрыть за подростковой небрежностью. – У нас сегодня первый урок отменили, так что я, наверное, пойду сразу к Кате, мы договорились вместе готовиться к контрольной.

Пётр кивнул, и я заметила, как он выдохнул с облегчением – незаметно для Леры, но не для меня.

– Хорошо, только не опаздывай на остальные уроки.

– Я знаю, папа, – она закатила глаза, но в её голосе не было обычного подросткового раздражения, скорее – неуверенность, словно она чувствовала, что должна сыграть свою роль в этом семейном спектакле, но не была уверена в словах.

Она подошла к нему, быстро чмокнула в щёку – мимолётное, почти механическое движение, – потом ко мне. Но меня она обняла крепче обычного, словно чувствуя, что мне нужна поддержка, словно пытаясь передать мне свою энергию, свою любовь.

– Увидимся вечером, – сказала она и, взяв со стола яблоко, вышла из кухни, оставив после себя лёгкий шлейф юности и беспечности.

Мы молчали, пока не услышали, как закрылась входная дверь. Потом Пётр глубоко вздохнул и посмотрел на часы – дорогие, швейцарские, которые я подарила ему на десятую годовщину свадьбы, экономя на всём несколько месяцев.

– Мне пора собираться, иначе опоздаю на встречу.

Он встал, отодвинул стул. На его лице была написана усталость и какое-то разочарование, словно я была капризным ребёнком, которого невозможно урезонить, который портит ему настроение своими необоснованными претензиями.

– Мы не закончили разговор, – сказала я, и мой голос прозвучал неожиданно твёрдо, как будто принадлежал другой женщине – той, которой я когда-то была, или той, которой могла бы стать.

– Мне кажется, закончили, – ответил он, и в его голосе появились покровительственные нотки, которые всегда раздражали меня, но которые я научилась игнорировать ради мира в семье. – Нина, я не знаю, что на тебя нашло, но эти подозрения... они оскорбительны. Я никогда не давал тебе повода не доверять мне.

Он произнёс это с такой уверенностью, с таким праведным возмущением, что на секунду я почти поверила ему. Почти усомнилась в своих выводах, в своих чувствах, в своей интуиции. Но потом вспомнила. Все детали, все совпадения, все мелочи, которые складывались в одну большую, неопровержимую картину. Как пазл, в котором, наконец, соединились все кусочки, показав изображение, которое я не хотела видеть, но которое не могла больше игнорировать.

– Я знаю, что видела. Я знаю, что чувствую. И впервые за долгое время я доверяю себе больше, чем тебе.

– Тебе нужно отдохнуть. Может быть, взять отпуск? Эти лекции, студенты, постоянное напряжение... Это не проходит бесследно.

В его голосе звучала забота – идеально дозированная, выверенная, как лекарство в аптечной капсуле. И снова этот приём – перевести всё на меня, на мою усталость, на мои проблемы, на мою мнимую неадекватность. Словно я была неисправным механизмом, который нужно починить, а не человеком, чьё сердце разбивается на осколки с каждым его словом, с каждым его жестом.

– Не делай этого, – сказала я тихо, и в моём голосе прозвучала бесконечная усталость. – Не делай вид, что проблема во мне. Не пытайся убедить меня, что я всё придумала.

– Проблема в том, что ты обвиняешь меня в измене без единого реального доказательства. На основании каких-то фотографий в Соцсетях и загадочных записей в блокноте, которые могут означать что угодно. Это паранойя, Нина. И мне... мне больно видеть тебя такой.

– Уходи, – сказала я устало, чувствуя внезапную пустоту внутри. – Иди на свою встречу. Мы поговорим позже.

Он колебался секунду, взвешивая варианты, прокручивая в голове сценарии развития ситуации, просчитывая риски – я видела это по его глазам, по тому, как он слегка прищурился, как напряглись мышцы челюсти. Затем кивнул.

– Хорошо. Вечером. Когда мы оба будем спокойнее. И сможем обсудить это... недоразумение рационально.

Недоразумение. Ещё одно слово, ещё один способ обесценить мои чувства, мои подозрения, мою боль.

Пётр подошёл, чтобы поцеловать меня в щёку – наш обычный утренний ритуал, механическое действие, лишённое теперь всякого смысла. Но я отстранилась. Не демонстративно, не резко. Просто слегка отклонилась, и его губы коснулись воздуха там, где секунду назад была моя щека.

Он замер, глядя на меня с удивлением, смешанным с обидой, как будто мой жест был неожиданной пощёчиной. Впервые за весь разговор я увидела в его глазах настоящую эмоцию, не отрететированную, непродуманную заранее. И от этого мне стало немного легче. По крайней мере, он не был бесчувственным роботом. Что-то человеческое в нём ещё осталось. Что-то настоящее проглядывало сквозь фасад, который он так тщательно выстраивал.

– До вечера, – сказал он наконец, и его голос звучал иначе – тише, неувереннее, словно он сам не знал, вернётся ли действительно вечером, словно земля под его ногами тоже начала колебаться.

Я осталась сидеть, глядя на остывший кофе в чашке. С кардамоном. Когда-то эта маленькая деталь заставила бы меня растаять от нежности. Сейчас она казалась ещё одним элементом в его тщательно продуманной роли идеального мужа.

Я слышала, как он ходит по квартире, собираясь. Как открывает и закрывает ящики, как звенят ключи, как скрипит паркет под его шагами. Привычные звуки нашей совместной жизни. Жизни, которая оказалась иллюзией.

Наконец, хлопнула входная дверь. Я подошла к окну как раз вовремя, чтобы увидеть, как он выходит из подъезда, садится в машину. Знакомая фигура в сером пальто, уверенные движения, прямая спина.

Пётр сел за руль, и через секунду машина тронулась с места. Я проводила её взглядом, пока она не скрылась за поворотом...

Глава 6+

Я никогда не думала, что стану следить за собственным мужем, словно он подозреваемый в каком-то криминальном сериале. Но именно этим я сегодня и занималась.

У меня была лекция только после обеда, и это давало мне несколько часов свободного времени. Свободного – какое ироничное слово. Свободы в моей жизни сейчас не было, только тревожность, подозрения и боль, которые не отпускали ни на минуту. Утром после ухода Петра я позвонила Марине.

- Мне нужна твоя помощь, – сказала я сразу, без приветствий.
- Говори, что нужно сделать. – Она поняла всё без лишних объяснений.
- Можешь составить мне компанию на пару часов? Хочу проверить кое-что.
- Через тридцать минут буду у тебя.

Спустя час, мы устроились в маленьком кафе через дорогу от стеклянного бизнес-центра, где работал Пётр. Я выбрала столик у окна, откуда хорошо просматривался главный вход здания. Марина молча сидела рядом, периодически поглядывая то на меня, то на улицу. Она не задавала вопросов, понимая, что я расскажу, когда буду готова.

Официантка принесла нам кофе. Я обхватила чашку ладонями, чувствуя, как тепло проникает сквозь фарфор, но не доходит глубже, не растапливает ледяной ком внутри.

– Он сказал, что у него важная встреча в десять, – наконец произнесла я, не отрывая взгляда от дверей бизнес-центра. – Если это правда, то он уже должен быть там. И она... возможно, тоже.

– Ты уверена, что они могут быть вместе в рабочее время? – спросила Марина осторожно. Я горько усмехнулась.

– Уверена? Я уже ни в чём не уверена. Раньше была уверена, что мой муж меня любит и что наш брак крепкий. Теперь...

Я недоговорила. Слова застряли в горле. Мы молча наблюдали за людьми, входящими и выходящими из здания – мужчины в костюмах, женщины с папками в руках, курьеры с пакетами. Привычный поток городской жизни, в котором я пыталась уловить знакомый силуэт.

- Знаешь, – сказала Марина, помешивая свой капучино, – есть ещё один вариант.
- Какой?
- Можно нанять детектива.

Я вздрогнула, хотя эта мысль уже приходила мне в голову.

– Частного сыщика? Как в кино?

– Почему нет? – пожала плечами Марина. – Тогда у тебя будут факты, а не догадки. Ты будешь знать наверняка. И сможешь принять решение, что делать дальше.

Я задумалась, глядя на улицу, где спешили по своим делам люди, чьи жизни были такими же запутанными, как моя, или, может быть, простыми и счастливыми.

– Я думала об этом, – призналась, наконец. – Но есть в этом что-то... унижительное. Нанять постороннего человека, чтобы следил за моим мужем? Чтобы копался в нашем грязном белье?

– Тебя больше смущает сам факт слежки или то, что кто-то узнает о ваших проблемах?

Вопрос попал в точку. Я всегда старалась сохранять видимость идеального брака – не только для окружающих, но и для себя. Закрывала глаза на то, что не вписывалось в эту картину. Может, в этом и была моя ошибка?

– Знаешь, – я отпила кофе, чувствуя горечь на языке, – возможно, Пётр прав. Может, я правда себе всё напридумывала. Устала, накрутила себя...

– Нина, – голос Марины стал серьёзнее, – не делай этого. Не сомневайся в себе, в своих чувствах. Если что-то, кажется, не так – значит, не так.

– Но доказательств по-прежнему нет. Ничего конкретного. Только совпадения, интуиция, домыслы.

– Женская интуиция – это не домыслы, – твёрдо сказала Марина. – Это эволюционный механизм защиты. Мы чувствуем опасность, даже когда не видим её напрямую.

Я слабо улыбнулась.

– Теперь ты говоришь как учёный.

– А ты – как женщина, которая боится поверить в предательство.

Мы снова замолчали. Я смотрела на двери бизнес-центра не отрываясь, словно пытаюсь силой мысли вызвать там появление Петра или Лены. Но ни его, ни её не было.

– Может, он на выездной встрече, – словно прочитав мои мысли, сказала Марина. – Или в другом филиале.

– Или в гостинице с ней, – пробормотала я.

Эта мысль обожгла изнутри. Я представила их вместе – его руки на её коже, его губы, шепчущие ей те же слова, что когда-то шептал мне. Тошнота подступила к горлу.

– Эй, – Марина накрыла мою руку своей. – Не мучай себя. Пока ты не знаешь наверняка.

Я кивнула, хотя в глубине души чувствовала, что знаю. Знаю, но боюсь признаться сама себе.

– Это она? – вдруг проговорила Марина, взглядом показав на девушку, выбирающуюся из машины.

– Да, она, – ответила, впившись взглядом в ту, что не давала мне покоя.

Сердце забилось быстрее, во рту пересохло. Лена вышла из такси, элегантная в своём деловом костюме, с волосами, собранными в высокий хвост. Она выглядела уверенной, спокойной – красивая молодая женщина, идущая по своим делам, не подозревающая, что за ней наблюдают. Я рассматривала её, как энтомолог изучает редкий экземпляр бабочки – с болезненным любопытством и отстранённостью.

Следом за ней вышел мужчина, высокий, красивый. Он вдруг обнял её, по-хозяйски привлёк к себе и поцеловал. Поцеловал так, как целуют свою любимую...

– Хм... это не Пётр, – произнесла очевидное подруга.

Я лишь смогла коротко кивнуть, чувствуя странное, почти болезненное облегчение. Это был не мой муж. Совершенно другой мужчина – выше, шире в плечах, с другой походкой. Он держал Лену так собственнически, так уверенно, будто имел на это полное право. А она – она отвечала на его поцелуй с искренней страстью, запуская пальцы в его волосы, прижимаясь всем телом.

Что-то разбилось внутри меня. Не сердце – оно уже было разбито раньше, – а картина мира, которую я выстроила за последние дни. Версия реальности, в которой мой муж был любовником этой женщины.

– Это... это её парень? Муж? – пробормотала я, не в силах оторвать взгляд от их объятий.

– Похоже на то, – Марина наклонилась ближе к окну. – И судя по тому, как они себя ведут, они не скрываются.

Пара направилась к входу в бизнес-центр, всё ещё держась за руки. Я наблюдала за ними, пока они не скрылись за стеклянными дверями. Потом откинулась на спинку стула, чувствуя, как из меня выходит воздух, словно из проколотого шарика.

– Значит, я ошибалась, – проговорила я медленно. – Всё это время я себя накручивала, подозревала, мучилась... а на самом деле ничего нет.

Марина внимательно посмотрела на меня.

– Этот факт доказывает только то, что у неё есть парень или муж. Это не значит, что у неё нет связи с Петром.

Я вздохнула. Конечно, она была права. Мир не делился на чёрное и белое. Люди обманывали, изменяли, вели двойную жизнь. Но мне так хотелось верить, что это всё – просто плод моего воображения, что я всё напридумывала, что моя семья всё ещё цела.

– Знаешь, я начинаю думать, что схожу с ума, – призналась я. – Вижу предательство там, где его нет. Превращаю случайные совпадения в теорию заговора.

– Не спеши с выводами, – Марина покачала головой. – Один поцелуй ещё ничего не доказывает. И не опровергает.

– А браслет? Фотографии? Сторис с намёками?

– Могут иметь другое объяснение.

– И какое же?

Марина пожала плечами.

– Может, она влюблена в твоего мужа, но это безответно? Может, она пытается его соблазнить, а он сопротивляется? Или, может, она просто пытается вызвать ревность у своего парня, используя Петра?

Я слушала эти предположения, и ни одно из них не звучало убедительно. Но проблеск надежды, как маленькая искра, зажётся где-то внутри. А что если? Что если я действительно всё не так поняла?

– И что теперь? – Я вздохнула, чувствуя странную смесь облегчения и растерянности.

– Не знаю, – честно ответила Марина. – Но вам стоит снова поговорить. Спокойно. Без обвинений. Просто попытайся понять, что на самом деле происходит.

Я кивнула, хотя уверенности не было. После утреннего разговора... Но я должна была попытаться ещё раз. Ради пятнадцати лет брака. Ради Леры. Ради себя самой.

– Ты права, – сказала я, допивая остывший кофе. – Сегодня вечером. Поговорю с ним снова.

– И будь готова к любому ответу, – мягко добавила Марина.

Я посмотрела на часы. До лекции оставалось чуть больше часа. Пора было возвращаться в университет, в привычный мир учебных планов, студенческих работ и академических статей. Мир, который казался таким стабильным, таким понятным по сравнению с хаосом моей личной жизни.

– Спасибо, что пришла, – сказала я, сжимая руку подруги. – Не знаю, чтобы я делала без тебя.

– То, что ты делаешь всегда, – улыбнулась Марина. – Справлялась бы. Ты сильнее, чем думаешь.

Мы расплатились и вышли из кафе. Холодный ветер тут же вцепился в волосы, забрался под воротник пальто. Я посмотрела на здание напротив, на людей, спешащих по своим делам, на равнодушное ноябрьское небо. Мир продолжал жить, независимо от того, что творилось в моей душе.

«Я сильнее, чем думаю», – повторила я про себя. И, может быть, впервые за долгое время, я готова была в это поверить...

В университете я сидела на кафедральном собрании и механически записывала все пункты повестки дня, но мысли мои были далеко. Декан говорил о сроках сдачи новых учебных планов, о приближающейся аккредитации, о необходимости публикаций в международных журналах. Обычно я была одной из самых активных участниц таких собраний, задавала вопросы, предлагала решения, спорила. Сегодня я молчала.

– Нина Алексеевна, – голос декана вывел меня из задумчивости. – Вы с нами?

Я подняла глаза. Все смотрели на меня – коллеги, с которыми я работала годами, многих считала если не друзьями, то добрыми приятелями. Сейчас их лица казались мне отстранёнными, почти чужими.

– Конечно, Михаил Сергеевич, – ответила я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. – Вы говорили о публикационной активности.

Декан нахмурился.

– Нет, Нина Алексеевна. Мы уже перешли к вопросу о вашем авторском курсе для магистров. Вы обещали представить концепцию к сегодняшнему дню.

Я почувствовала, как краска заливает моё лицо. Чёрт. Я совершенно забыла об этом.

– Простите, – я попыталась собраться с мыслями. – У меня есть наброски, но я бы хотела доработать их перед презентацией коллегам. Могу я получить ещё неделю?

Декан посмотрел на меня с лёгким недоумением. Я никогда не просила об отсрочках.

– Хорошо, – сказал он после паузы. – Но не больше недели. Программа должна быть утверждена до конца месяца.

Я благодарно кивнула и опустила глаза. Рядом со мной сидела Елизавета Михайловна, профессор из старой гвардии, более тридцати лет преподававшая теорию литературы. Она наклонилась ко мне.

– Всё в порядке, Ниночка? – спросила она шёпотом. – Вы сами не своя сегодня.

– Просто устала. Много работы. – Я выдавила улыбку.

Она кивнула, но в её глазах я видела, что она не поверила. Впрочем, она была слишком тактична, чтобы расспрашивать дальше.

Собрание продолжилось. Я старалась концентрироваться на обсуждении, но мысли постоянно возвращались к поцелую, к Лене, к мужу.

Когда наконец собрание закончилось, я быстро собрала свои вещи, намереваясь уйти первой, но меня остановила рука на плече. Я обернулась – Климов, глава научного совета. Сухопарый мужчина с внимательными глазами за стёклами очков в тонкой оправе.

– Нина Алексеевна, на минутку, – сказал он.

– Да, Валерий Дмитриевич? – Я остановилась, стараясь не показать нетерпения.

– Ваша заявка на грант, – начал он, и по его тону я уже поняла, что ничего хорошего не услышу. – Совет рассмотрел её вчера.

– И? – спросила я, хотя ответ был очевиден.

– Мы решили поддержать проект Симонова. У него уже есть опыт работы в этом направлении, и его тема более... актуальна.

Я почувствовала, как что-то холодное сворачивается в животе. Мой проект – исследование трансформации женских образов в русской литературе XIX века – был серьёзной научной работой, которую я готовила больше года. Проект Симонова – очередной анализ творчества Достоевского – был предсказуемым и безопасным, но никак не новаторским.

– Понимаю, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально.

– Нина Алексеевна, оставьте эти амбициозные проекты молодым аспирантам. У вас ведь семья, другие заботы... – он сделал паузу, словно подбирая слова. – К тому же ваша тема... феминистская литературная критика – не совсем наше направление.

«Не совсем наше направление». Это был эвфемизм для «слишком прогрессивно для нашей консервативной кафедры». Я знала это. И он знал, что я знаю.

– Конечно, – я кивнула. – Вы правы.

Я не стала спорить. Не сейчас, когда все мои силы уходили на другую, личную битву.

Климов похлопал меня по плечу с отеческой снисходительностью, которая всегда раздражала меня.

– Не расстраивайтесь. В следующем году, возможно...

Я снова кивнула и пошла к выходу, чувствуя, как его взгляд сверлит мне спину. За эти дни я стала слишком чувствительной к чужим взглядам.

В коридоре меня перехватила Анна, молодая преподавательница, которая только в этом году пришла на кафедру.

– Нина Алексеевна! – её голос был полон энтузиазма. – Я хотела спросить ваше мнение о моей статье. Можно отправить вам на почту?

– Конечно, – ответила я автоматически.

Анна улыбнулась, но затем её лицо стало серьёзным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.